

УДК 34.023

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ ФОРМАТ МОЛОДЁЖНОГО
ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
РЕГИОНАЛЬНОГО ОПЫТА**

Хмелевская И. Г.

*Юридический институт Белгородского государственного национального
исследовательского университета*

В современных российских реалиях постоянным компонентом общественно-политической инфраструктуры выступают молодёжные парламенты, учрежденные при законодательных органах в каждом субъекте Федерации. Указанные молодёжные структуры, нормативно являясь совещательным и консультативным параметром, объединены общей концептуальной идеей представительства интересов молодых граждан в непрерывном диалоге с управленческо-властным сектором и их непосредственного участия в реализации эффективной государственной политики. Однако детализация организационно-правовых характеристик региональных молодёжных парламентов демонстрирует существенную разницу по ряду базовых индикаторов – количественному составу молодёжного органа, механизму его формирования, сроку полномочий, цензовой политике. Целью исследования является определение оптимального типового набора атрибутов молодёжных парламентов в пределах анализа конкретных нормативных особенностей территориальных органов подобного формата. Методология исследования предполагает комбинацию общенаучных, частнонаучных и специально-юридических методов. С учётом высокой вариативности содержательных и процедурных нюансов работы молодёжных парламентов, декларируется необходимость умеренной стандартизации их организационных и нормативных характеристик. Сделан вывод о невозможности конструирования продуктивной молодёжной экосистемы, обеспечивающей реальное участие молодых граждан в законотворческой и политической деятельности, без частичной унификации функциональных черт молодёжных парламентских структур.

Ключевые слова: молодёжный парламент, общественная молодёжная палата, совещательные и консультативные органы, законодательные органы, законодательная инициатива, выборы, государство, молодёжь, государственная молодёжная политика.

Процесс интенсивного институционального оформления молодёжной представительской инфраструктуры в российских органах законодательной и исполнительной властей начался в конце XX ст. и в настоящее время его результатом стало функционирование в каждом субъекте Российской Федерации соответствующего объединения, наделенного определенными правами и выполняющего роль совещательного и консультативного компонента. Молодёжное сообщество достаточно органично встроено в управленческо-властную вертикаль, что предоставляет ему возможность непосредственной реализации своих коммуникативных амбиций посредством участия в разнообразных общественных формированиях – молодёжных парламентах и правительствах, комиссиях и советах и т.д.

Практика показывает, что обозначенная молодёжная платформа представлена преимущественно парламентскими модулями. Своеобразным маркером, свидетельствующим о завершении трансформации внутри диалога государства и молодёжи, стало утверждение в июне 2024 г.а положения о Молодежном парламенте при Народном Собрании (Парламенте) Карачаево-Черкесской Республики [1], который стал «завершающим» 89-м образованием подобного типа.

Данный «финальный аккорд» выдвигает перед исследователями новую актуальную задачу – установить, имеются ли в сложившейся практике предпосылки к созданию «молодёжной экосистемы» как совокупности взаимосвязанных и однородных по своей сути молодёжных органов, представляющих интересы данной социальной страты на всех уровнях и находящихся в непрерывном контакте с государственным сектором.

Можно предположить, что при отсутствии эффективной централизованной координации со стороны федерального центра молодёжные парламенты так и останутся разрозненными самостоятельными единицами, объединёнными лишь общей популистской идеей, а их учреждение – своеобразный тренд, от которого нельзя отказаться в силу необходимости подтверждения политической лояльности.

В рамках ответа на поставленный вопрос мы предприняли попытку провести фактологический анализ организационно-правовых оснований для деятельности молодёжных парламентов в субъектах Федерации и сформировать концепцию о содержательном и процедурном наполнении «типового» органа такого формата.

Ключевыми показателями для рассмотрения организационно-правового генезиса функционирования молодёжных парламентов нами избраны: легальный статус, количественный состав органа, механизм его формирования, срок полномочий, а также возрастной и иные цензы.

В качестве объектов изучения выступили Молодежная палата (Молодежный парламент) при Московской городской Думе [2] (Центральный федеральный округ), Молодежный парламент при Законодательном Собрании Санкт-Петербурга [3] (Северо-Западный федеральный округ), Молодежный парламент при Законодательном Собрании Ростовской области [4] (Южный федеральный округ), Молодежный парламент при Думе Ставропольского края [5] (Северо-Кавказский федеральный округ), Молодежный парламент при Законодательном Собрании Нижегородской области [6] (Приволжский федеральный округ), Молодежный парламент Свердловской области [7] (Уральский федеральный округ), Молодежный парламент Новосибирской области [8] (Сибирский федеральный округ), а также Молодежный парламент Приморского края при Законодательном Собрании Приморского края [9] (Дальневосточный федеральный округ).

Фундаментом для позиционирования региональных молодёжных парламентов в качестве совокупности тождественных по своей сути органов служит их нормативно зафиксированная симметрия. Дублирование формального статуса и перечня базовых задач следует из одного официального акта в другой, утверждая системное единство молодёжных парламентов, которые в общем виде представляют собой совещательные и консультативные органы при региональных законодательных собраниях.

В ряде случаев эта легальная дефиниция дополняется опциональными атрибутами – коллегиальностью, указанием на соответствие деятельности нормативным правовым актам РФ, добровольность формирования и деятельность на общественных началах, усиливающими представительно-совещательную природу молодёжных парламентов.

Функциональная составляющая указанных структур также характеризуется комплексностью и включает следующие элементы: представление и защиту интересов молодёжи; разработку рекомендаций и предложений по совершенствованию зако-

нодательства (преимущественно в сфере молодёжной политики); участие в обсуждении и оценке проектов нормативных правовых актов, регулирующих в том числе права молодёжи; формирование активной гражданской позиции, правовой и политической культуры молодёжного сообщества; повышение интереса молодёжи к работе законодательных и иных структур государственного сегмента; изучение мнения молодёжи о деятельности органов государственной власти; развитие сотрудничества с молодёжными совещательными консультативными органами и т. д.

Таким образом, с практической точки зрения все региональные молодёжные парламенты реализуют одну и ту же функцию, являясь коллегиальной консультативной структурой при законодательном органе и представляющей интересы молодёжи. Это позволяет прогнозировать интегративную природу взаимодействий данных коллективов и определённую потребность в стандартизации их организационно-правового оформления.

Однако, несмотря на тождественность функционального содержания деятельности молодёжных парламентов, детальное изучение процедурных аспектов их создания демонстрирует отсутствие единой политики в данном направлении.

Минимальные различия понятийного спектра диагностируются уже на стадии перечисления молодёжных органов.

Так, в пределах представленной выборки нами выявлены три автономные версии наименования молодёжных парламентов: с привязкой к конкретному субъекту Российской Федерации (Молодежный парламент Новосибирской области); к законодательному органу (Молодежный парламент при Законодательном Собрании Санкт-Петербурга); одновременно к ним обоим (Молодежный парламент Приморского края при Законодательном Собрании Приморского края).

С одной стороны, подобная вариативность – результат гибридных локальных стратегий, не оказывающих принципиальное влияние на работу молодёжных парламентов, с другой – потенциальный риск разного восприятия одной и той же структуры.

Терминологическая зависимость молодёжного парламента от представительного органа региона буквально реплицирует нормативно закреплённое положение первого, косвенно ограничивая его сферу деятельности в пределах законодательной ветви власти, одновременно создавая и условия соподчинённости, и амплуа «младшего партнера», находящегося в непрерывном взаимодействии с государственным сектором.

В свою очередь, категориальная связь исключительно с субъектом Федерации, предоставляя техническую «свободу» от официальных органов, фигурально направляет молодёжный парламент по пути статусной независимости, что с учётом нормативных свойств является лишь имитацией самостоятельности.

Все обозначенные формулировки имеют безусловное право на существование, однако выбор конкретной из них подразумевает генерирование идейного базиса функционирования молодёжных парламентских компонентов в целом.

На наш взгляд, в современных реалиях наиболее оптимальной моделью наименования молодёжных парламентов представляется именно прикрепление к региональной законодательной структуре с перспективой масштабного участия молодёжи в правотворческом процессе.

Использование же в официальном названии молодёжного парламента обозначения и субъекта Российской Федерации, и законодательного органа, по нашему мнению, олицетворяет избыточную интерпретацию.

Следует обратить внимание на ситуацию, когда в отношении молодёжного парламента фиксируется ярко выраженный понятийный дуализм – одновременная идентификация молодёжного органа по двум самостоятельным категориям (например, Молодёжная палата (Молодёжный парламент) при Московской городской Думе).

Отождествление молодёжного парламента и молодёжной палаты (или общественной молодёжной палаты) – явление не уникальное. В подобном неопределённом с точки зрения правового статуса организационном формате действует целый ряд региональных структур, в частности, Общественная молодёжная палата (Молодёжный парламент) при Мурманской областной Думе, Общественная молодёжная палата (Молодёжный парламент) при Государственном Собрании Республики Мордовия, Молодёжная палата (парламент) при Законодательном Собрании Тверской области и др.

Проведённое нами исследование показало, что эпизодически обнаруживаются и примеры, иллюстрирующие полное отсутствие парламентской составляющей в официальном наименовании коллектива, объективно функционирующем как молодёжный парламент (Общественная молодёжная палата при Тюменской областной Думе, Общественная молодёжная палата при Костромской областной Думе, Общественная Молодёжная палата при Курской областной Думе и др.).

Такого рода модель организации молодёжных органов – отчасти дань традициям. Подобная практика обозначения была характерна для ранней стадии становления молодёжного парламентаризма в РФ.

Но современный федеральный опыт реформирования молодёжной парламентской структуры задаёт новый трансформационный вектор.

Молодёжный парламент при Государственной Думе Федерального Собрания РФ, на момент учреждения в 2001 г. именуемый Общественной молодёжной палатой [10], а с 2008 г. сочетавший в себе две характеристики [11], в 2023 г. окончательно отказался от категории молодёжной палаты, сохранив причастность только к парламентскому модулю [12].

Станет ли это общенациональной тенденцией – вопрос времени. Де факто разница в обозначениях – не более чем наличие альтернативы, но текущие понятийные разногласия вносят определённый диссонанс в имиджевые и функциональные характеристики молодёжных парламентов, особенно на фоне существования общественных организаций в формате «молодёжных палат», позиционирующих себя как институты гражданского общества.

Вместе с тем детализация содержательных параметров рассматриваемых молодёжных структур только усиливает выявленный контраст между ними.

Критическим параметром, демонстрирующим существенные отличия в опыте функционирования молодёжных парламентов, является численный состав органов и механизм их формирования.

Сама по себе количественная метрика – показатель довольно дискуссионный и не несущий принципиальной нагрузки – в рассматриваемых регионах он варьируется от 40 до 75 членов молодёжного парламента. Но опыт отсутствия императивно

закрепленного числа молодых парламентариев в Ростовской и Свердловской областях служит характерным индикатором, сигнализирующим о существенных процедурных различиях в деятельности молодёжных парламентов.

Методика формирования той или иной структуры – один из ключевых факторов, отражающих её дальнейшую специфику и влияющих на общую эффективность в рамках возлагаемых функций.

В случае с молодёжными парламентами данный критерий вызывает значительный интерес по причине наличия у них формальной связи с законодательной властью, а также имеющейся разницы в способах комплектования составов данных структур.

Регионы предлагают оригинальные концепции наделения молодых граждан статусом члена консультативно-совещательного органа при законодательном собрании, среди которых – делегирование от уполномоченных субъектов, конкурсный отбор, прямые выборы, а также различные комбинации указанных способов.

Первые две из обозначенных практик предполагают включение в состав молодёжных парламентов по представлению отдельных лиц и коллективов и отличаются плановым количеством ступеней – если в рамках стандартного делегирования достаточно одного лишь решения полномочного субъекта, то при конкурсе из выдвинутых кандидатур комиссия по установленным критериям выбирает наиболее подходящих.

Указанные механизмы охватывают довольно широкий круг общественно-политических акторов. Наравне с «шаблонными» звеньями государственно-управленческой конъюнктуры – политическими партиями, органами исполнительной власти, главами и представительными органами муниципальных образований – выдвигать претендентов для включения в состав молодёжного парламента имеют право различные субъекты: от молодёжных правительств регионов, органов студенческого самоуправления образовательных организаций, молодёжных общественных организаций, имеющих статус юридического лица, до элементов территориальной самобытности – например, войскового атамана войскового казачьего общества «Всеволокное войско Донское» [4] и т.д.

Конкурсный отбор в контексте его рассмотрения как отдельного механизма формирования молодёжных парламентов не отличается однородностью. Помимо значительного числа субъектов, уполномоченных выдвигать кандидатов для включения в состав парламентов, а также возможности самовыдвижения, сам конкурс может проводиться различными способами, в частности, в форме демонстрации законотворческих и социально значимых проектов; презентационных видеороликов, содержащих краткие биографические данные, личные и профессиональные достижения, сведения о роде деятельности и мотивах выдвижения в молодёжный парламент; а также состоять из нескольких этапов.

Стадийная практика, как правило, предусматривает последовательную оценку портфолио конкурсанта, открытое собеседование (презентацию проектов) и ассесмент-сессию – серию процедур, во время которых кандидатам предлагается выполнить ряд заданий [6].

Выборы, являясь наиболее близким к парламентской природе методом формирования молодёжных органов, предполагают явную параллель с демократическими

ценностями, но порождают композиционную дилемму о тотальном заимствовании традиционной «атрибутики» законодательных структур.

Однако на фоне локальной интеграции выборных механизмов в молодёжную парламентскую среду, диалог о перспективе абсолютного применения избирательных процедур пока не имеет широкого признания.

Это опосредовано как отчасти дифференциальным опытом регионов, так и необходимостью корреспондирующего материального сопровождения выборной конструкции.

В анализируемых субъектах РФ, практикующих выборы в молодёжный парламент, кандидаты избираются от муниципальных районов и городских округов, но, несмотря на формальное сходство по данному показателю, технические аспекты экспонируют различные организационные подходы – например, в Новосибирской области проведение выборов осуществляется региональной Молодёжной избирательной комиссией, в то время как в Ростовской области этот функционал возлагается на молодежные парламенты (советы) муниципальных образований, но фактически реализуется территориальными избирательными комиссиями.

Синкретический подход к созданию молодёжных парламентов, в рамках выборки представленный парными сочетаниями – «делегирование – конкурсный отбор» и «делегирование – прямые выборы», отличается высокой адаптивностью и потенциальным охватом большого числа активных молодых граждан, но наравне с положительными чертами заимствует и недостатки всех автономных способов.

Оценивая результативность презентованных методик формирования молодёжных парламентов, отметим, что конкурсный отбор и прямые выборы являются наиболее удачными и корреспондирующими их сущности. Они позволяют не только выявить реально заинтересованную в решении общественно-политических задач молодёжь, но и предоставляют каждому равные стартовые возможности, что не всегда достигается при выдвижении кандидатур от каких-либо уполномоченных субъектов.

Существуя в формате консультативной и совещательной структуры при законодательном органе, молодёжные парламенты, сформированные исключительно с использованием процедуры делегирования, рискуют превратиться в зависимый от тех или иных объединений и организаций корпус, лоббирующий не собственную молодёжную позицию, а идейную линию представляемых субъектов.

При этом, делегирование может стать весьма эффективной вспомогательной практикой при проведении конкурса или выборов, выделяя перспективных претендентов для последующей диагностики возможности их вхождения в состав молодёжного органа.

Условное «противостояние» выборов и конкурсного отбора подразумевает решение ряда вопросов.

С точки зрения объективности результатов, преимущество находится на стороне выборов – за кандидатов голосует непосредственно молодёжь региона или отдельного муниципалитета, при положительном прогнозе охватывающая значительный электорат. В состав же конкурсных комиссий входит довольно ограниченный круг граждан, не всегда относящихся к молодёжной социальной группе.

В контексте материально-технического обеспечения формирования молодёжных парламентов обе методики предполагают учреждение определённого коллектива

ответственных лиц – комиссии, оргкомитета и т. д., что опосредует необходимость привлечения различных ресурсов.

В этом аспекте конкурс выглядит убедительнее по причине наличия довольно качественной эмпирической базы, выборы же в молодёжные парламенты – практика пока не до конца проработанная и требующая обстоятельной апробации.

Учитывая природу молодёжных парламентов и даже их наделение в ряде субъектов Федерации правом законодательной инициативы, оптимальным форматом конструирования таких компонентов являются все же прямые выборы, которые транслируют следование парламентским принципам и гарантируют легитимацию членства в молодёжных структурах.

При этом, в реальности применение выборного механизма требует детальной нормативной проработки, как минимум, с точки зрения круга ответственных организаторов, избирательного кворума и прочих формальных реквизитов. Иначе в сфере молодёжного парламентаризма возникнет серьёзный репутационный риск потери выборами статуса ведущего демократического института.

Суммарный обзор регионального опыта организации молодёжных парламентов акцентирует внимание и на разнице в сроках полномочий данных структур – в одних случаях он равен 2 или 2,5 годам, в других – легислатуре законодательных структур субъектов Федерации.

Полагаем, что юридически регламентированная связь молодёжного парламента с конкретным законодательным органом субъекта Российской Федерации создаёт объективные предпосылки для универсализации обоих периодов деятельности.

Цензовая политика также демонстрирует кардинальные различия в подходах регионов к формированию составов молодёжных парламентов.

Нижняя возрастная граница в выбранных для аналитики субъектах Федерации колеблется от 14 до 18 лет, а верхняя – от 25 до 35 включительно. «Интервальные» значения возможности причисления граждан к молодым парламентариям транслируют интересную динамику – в большинстве регионов период вероятного участия в совещательных структурах составляет около 20 лет. Подобный разрыв обуславливает реальную перспективу одновременного вхождения в молодёжный парламент и школьников, и представителей студенческой и трудящейся молодёжи.

Данный факт несёт в себе смешанную коннотацию – с одной стороны, возникает возможность «широкого представительства», где будет учтено мнение всего молодёжного сообщества, с другой – риск появления коммуникационных сложностей и внутренних разногласий.

Однако в условиях существования законодательно установленных возрастных пределов молодёжной социальной страты – от 14 до 35 лет [13], целесообразно проецировать эти рамки и на работу молодёжных парламентов в целях нивелирования не согласующихся между собой региональных значений.

В ряде регионов субсидиарными цензами являются место жительства потенциального молодого парламентария либо его работа (учёба) на территории определённого субъекта Российской Федерации.

На наш взгляд, подобные требования вполне обоснованы и диктуются потребностью вовлечения молодых граждан в обсуждение вопросов и проблем местной специфики, их осведомлённости о ситуации «как есть» и конструировании предметных предложений о том, «как будет».

Синописис практического функционирования молодёжных парламентов в ответственном государстве указывает на противоречивую картину – региональные структуры при своём концептуальном единстве отличаются по иным ключевым показателям – наименованию, способу формирования, количественному и возрастному составу, сроку полномочий.

Подобные нормативные контрасты не являются категорическим отрицанием существования национальной молодёжной парламентской инфраструктуры, однако создают препятствия для совместного моделирования новой ценностной парадигмы взаимодействия государства и молодёжного сектора.

Идея рациональной и результативной интеграции молодёжи в управленческие процессы не может быть реализована в условиях расхождения базовых индикаторов молодёжных парламентских единиц и отсутствия координации со стороны федерального центра.

Запрос на ассимиляцию организационных и нормативных характеристик молодёжных парламентов уже высказан самим молодёжным парламентским корпусом в рамках разработки в Приволжском Федеральном округе Стандарта деятельности молодежного парламента (молодежной палаты) при законодательном органе субъекта РФ в субъектах РФ [14]. Но оценка его содержательных параметров и общей эффективности требует консолидации значительных усилий и проверки временем.

Таким образом, генерирование молодёжной экосистемы на данный момент остаётся вероятной перспективой, а не действительностью. Однако дальнейшая умеренная стандартизация создания и фактической работы молодёжных парламентов допускает потенциальную возможность инициирования синергетических процессов в данном направлении, позволяющих обеспечить реальное участие молодых граждан в законотворческой и политической деятельности на регулярной и гарантийной основе.

Список литературы:

1. Постановление Народного Собрания (Парламента) Карачаево-Черкесской Республики от 11 июня 2024 г. № 203 «Об утверждении положения о Молодежном парламенте при Народном Собрании (Парламенте) Карачаево-Черкесской Республики» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.10.2024).
2. Постановление Московской городской Думы от 27 сентября 2006 г. № 265 «О Молодежной палате (Молодежном парламенте) при Московской городской Думе» // Официальный сайт Московской городской Думы. – URL: <https://duma.mos.ru> (дата обращения: 12.10.2024).
3. Постановление Законодательного Собрания Санкт-Петербурга от 16 марта 2022 г. N 110 «Об утверждении Положения о Молодежном парламенте при Законодательном Собрании Санкт-Петербурга» // Официальный сайт Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. – URL: <https://www.assembly.spb.ru/> (дата обращения: 12.10.2024).
4. Постановление Законодательного собрания Ростовской области от 25 февраля 2004 года № 296 «О Положении о Молодежном парламенте при Законодательном Собрании Ростовской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.10.2024).
5. Постановление Думы Ставропольского края от 28 марта 2019 г. № 1365-VI ДСК «Об утверждении Положения о Молодежном парламенте при Думе Ставропольского края» // Официальный интернет-портал правовой информации Ставропольского края. – URL: <https://pravo.stavregion.ru> (дата обращения: 12.10.2024).
6. Постановление Законодательного Собрания Нижегородской области от 31 января 2013 г. № 754-V «О принятии Положения о Молодежном парламенте при Законодательном Собрании Нижегородской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.10.2024).
7. Постановление Законодательного Собрания Свердловской области от 18 декабря 2018 г. № 1668-ПЗС «О Положении о Молодежном парламенте Свердловской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.10.2024).

8. Постановление Законодательного Собрания Новосибирской области от 19 ноября 2014 г. № 202 «Об утверждении Положения о Молодежном парламенте Новосибирской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.10.2024).
9. Постановление Законодательного Собрания Приморского края от 26 июля 2023 г. № 1008 «О Положении о молодежном парламенте Приморского края при Законодательном Собрании Приморского края» // Официальный сайт Законодательного Приморского края. – URL: <https://www.zspk.gov.ru/> (дата обращения: 12.10.2024).
10. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 4 июля 2001 г. № 688-5 ГД «Об Общественной молодежной палате при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 29. Ст. 2975.
11. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 27 июня 2008 г. № 688-5 ГД «Об Общественной молодежной палате (Молодежном парламенте) при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 27. Ст. 3149.
12. Постановление Государственной Думы от 16 марта 2023 г. № 3315-8 ГД «Об утверждении Положения о Молодежном парламенте при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 12. Ст. 2007.
13. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Российская газета. 2021. № 1.
14. Единый стандарт работы молодежных палат могут внедрить в РФ и Белоруссии. – Текст: электронный // РИА Новости : [сайт]. – 2024. – URL: <https://ria.ru/20240618/standart-1953734333.html> (дата обращения: 22.10.2024).

Khmelevskaya I.G. The organizational and legal format of the youth parliamentarism in Russia: a comparative analysis of regional experience // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. 114–123.

In modern Russian realities, youth parliaments established under legislative bodies in each constituent entity of the Federation act as a permanent component of the socio-political infrastructure. These youth structures, being normative advisory and advisory parameters, are united by a common conceptual idea of representing the interests of young citizens in a continuous dialogue with the managerial and power sectors and their direct participation in the implementation of effective public policy. However, the detailed organizational and legal characteristics of regional youth parliaments demonstrate a significant difference in a number of basic indicators: the quantitative composition of the youth body, the mechanism of its formation, the term of office, and the censorship policy. The purpose of the study is to determine the optimal standard set of attributes of youth parliaments within the analysis of specific regulatory features of territorial bodies of this format. The research methodology involves a combination of general scientific, private scientific and special legal methods. Taking into account the high variability of the substantive and procedural nuances of the work of youth parliaments, the need for moderate standardization of their organizational and regulatory characteristics is declared. It is concluded that it is impossible to construct a productive youth ecosystem that ensures the real participation of young citizens in legislative and political activities without partially unifying the functional features of youth parliamentary structures.

Keywords: youth parliament, public youth chamber, advisory and advisory bodies, legislative bodies, legislative initiative, elections, state, youth, state youth policy.

Spisok literatury:

1. Postanovlenie Narodnogo Sobraniya (Parlamenta) Karachaevo-Cherkesskoi Respubliki ot 11 iyunya 2024 g. № 203 «Ob utverzhdenii polozheniya o Molodezhnom parlamente pri Narodnom Sobranii (Parlamente) Karachaevo-Cherkesskoi Respubliki» // Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii. – URL: <https://www.pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 12.10.2024).
2. Postanovlenie Moskovskoi gorodskoi Dumy ot 27 sentyabrya 2006 g. № 265 «O Molodezhnoi palate (Molodezhnom parlamente) pri Moskovskoi gorodskoi Dume» // Ofitsial'nyi sait Moskovskoi gorodskoi Dumy. – URL: <https://duma.mos.ru> (data obrashcheniya: 12.10.2024).
3. Postanovlenie Zakonodatel'nogo Sobraniya Sankt-Peterburga ot 16 marta 2022 g. N 110 «Ob utverzhdenii Polozheniya o Molodezhnom parlamente pri Zakonodatel'nom Sobranii Sankt-Peterburga» // Ofitsial'nyi sait Zakonodatel'nogo Sobraniya Sankt-Peterburga. – URL: <https://www.assembly.spb.ru/> (data obrashcheniya: 12.10.2024).
4. Postanovlenie Zakonodatel'nogo sobraniya Rostovskoi oblasti ot 25 fevralya 2004 goda № 296 «O Polozhenii o Molodezhnom parlamente pri Zakonodatel'nom Sobranii Rostovskoi oblasti» // Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii. – URL: <https://www.pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 12.10.2024).
5. Postanovlenie Dumy Stavropol'skogo kraya ot 28 marta 2019 g. № 1365-VI DSK «Ob utverzhdenii Polozheniya o Molodezhnom parlamente pri Dume Stavropol'skogo kraya» // Ofitsial'nyi internet-portal

- pravovoi informatsii Stavropol'skogo kraya. – URL: <https://pravo.stavregion.ru> (data obrashcheniya: 12.10.2024).
6. Postanovlenie Zakonodatel'nogo Sobraniya Nizhegorodskoi oblasti ot 31 yanvarya 2013 g. № 754-V «O prinyatii Polozheniya o Molodezhnom parlamente pri Zakonodatel'nom Sobranii Nizhegorodskoi oblasti» // Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii. – URL: <https://www.pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 12.10.2024).
7. Postanovlenie Zakonodatel'nogo Sobraniya Sverdlovskoi oblasti ot 18 dekabrya 2018 g. № 1668-PZS «O Polozhenii o Molodezhnom parlamente Sverdlovskoi oblasti» // Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii. – URL: <https://www.pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 12.10.2024).
8. Postanovlenie Zakonodatel'nogo Sobraniya Novosibirskoi oblasti ot 19 noyabrya 2014 g. № 202 «Ob utverzhdenii Polozheniya o Molodezhnom parlamente Novosibirskoi oblasti» // Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii. – URL: <https://www.pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 12.10.2024).
9. Postanovlenie Zakonodatel'nogo Sobraniya Primorskogo kraya ot 26 iyulya 2023 g. № 1008 «O Polozhenii o molodezhnom parlamente Primorskogo kraya pri Zakonodatel'nom Sobranii Primorskogo kraya» // Ofitsial'nyi sait Zakonodatel'nogo Primorskogo kraya. – URL: <https://www.zspk.gov.ru/> (data obrashcheniya: 12.10.2024).
10. Postanovlenie Gosudarstvennoi Dumi Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii ot 4 iyulya 2001 g. № 1742-III GD «Ob Obshchestvennoi molodezhnoi palate pri Gosudarstvennoi Dume Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2001. № 29. St. 2975.
11. Postanovlenie Gosudarstvennoi Dumi Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii ot 27 iyunya 2008 g. № 688-5 GD «Ob Obshchestvennoi molodezhnoi palate (Molodezhnom parlamente) pri Gosudarstvennoi Dume Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2008. № 27. St. 3149.
12. Postanovlenie Gosudarstvennoi Dumi ot 16 marta 2023 g. № 3315-8 GD «Ob utverzhdenii Polozheniya o Molodezhnom parlamente pri Gosudarstvennoi Dume Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2023. № 12. St. 2007.
13. Federal'nyi zakon ot 30 dekabrya 2020 g. № 489-FZ «O molodezhnoi politike v Rossiiskoi Federatsii» // Rossiiskaya gazeta. 2021. № 1.
14. Edinyi standart raboty molodezhnykh palat mogut vnedrit' v RF i Belorussii. – Tekst: elektronnyi // RIA Novosti : [sait]. – 2024. – URL: <https://ria.ru/20240618/standart-1953734333.html> (data obrashcheniya: 22.10.2024).